

— Ха-ха-ха, Бай Бао, у твоего брата действительно отличная меткость, — щедро похвалил чиновник, не позволив стрелять своим людям. Поздним вечером, да ещё с ветром, попасть на таком расстоянии в две тонкие нити, на которых висели тряпицы, было под силу не каждому.

Несколько человек вернулись в дом и наконец перешли к делу. Этот тип и вправду оказался чиновником, ответственным за перемещение ресурсов в одном из южных регионов. Основные грузы уже были переправлены, это была последняя партия. Он сам тоже направлялся на запад, жена и дети уехали раньше и сейчас находились на одном из оружейных заводов в центральной части. Судя по их разговорам, тот завод хорошо охранялся, и безопасность была гарантирована.

Похоже, их путь не задался, поэтому, оказавшись в этих краях и узнав, что Бай Бао здесь сторожит, они заехали передохнуть и, кажется, ещё и людей найти хотели. Своим они не доверяли, а с Бай Бао, видимо, были какие-то связи, и обе стороны друг другу доверяли.

Гао Чан ел и слушал их разговор, но на самом деле его больше интересовала еда на столе. Хотя он и сам мог добыть дичь, и за последние два года мясо у него не переводилось, но такое разнообразие блюд, выставленных на одном столе и доступных в неограниченном количестве, он видел впервые, так что наслаждался от души.

Он посадил Да Хуана себе на колени и, продолжая есть, подкладывал ему в пасть вяленую говядину, жареную баранину — всё, что тот любил. Когда никто не видел, он даже дал псу лизнуть из своей рюмки. Остальные за столом, казалось, не замечали его действий, а если и замечали, то делали вид. Лишь тот долговязый худощавый парень то и дело бросал на него презрительные взгляды. Гао Чан не обращал на него внимания — кому охота связываться с тем, кто уже проиграл.

Эта трапеза получилась сытной, с выпивкой, и все остались довольны. К тому моменту, как Бай Бао закончил переговоры, со стола было уже почти всё смечено, и немалую роль в этом сыграли Гао Чан с Да Хуаном. В приподнятом настроении человек и пёс вышли за ворота правительственного учреждения, сели в машину и поехали обратно в деревню.

— Ты вообще слушал, о чём мы говорили? Чёрт возьми, весь стол вы с ним опустошили, — проворчал Бай Бао, чей рот устал от разговоров, а живот — от недоедания.

— Цыц, хочешь выглядеть прилично — будь готов поголодать, — фыркнул Гао Чан. В деревне этот человек не был таким уж благовоспитанным и мало чем отличался от своей голодной братвы.

— Перед знакомыми надо лицо сохранять, а то подумают, что я последние два года как нищий жил. Ну так что, ты уловил, о чём речь?

— О чём? — Гао Чан выковыривал зубы сорванной по дороге былинкой. Вяленая говядина была вкусной, но застревала в зубах.

— О том, чтобы найти несколько братьев и двинуть с ними на запад.

— Слышал, — ответил Гао Чан. Чиновник говорил, что потерял много людей, и предлагал Бай Бао и его братьям отправиться с ними на запад, мол, всё правительство туда перебирается, ресурсов там много. Бай Бао ответил, что ему тут, в горах, вольготнее, но дело Дяди Сыту — это его дело, так что завтра-послезавтра соберёт несколько братьев и двинет с ними, хоть какую-то помощь окажет. Чиновник пообещал не обделит Бай Бао и его людей, сказал, что по прибытии на оружейный завод им устроят кое-какие плюшки. Бай Бао тут же просиял.

— Ну так ты как, с нами? — Бай Бао пригласил Гао Чана присоединиться.

— Надо подумать, — сказал Гао Чан. Ему и в деревне было хорошо, но Да Хуан вот-вот должен был трансформироваться. Если вдруг в его доме пёс исчезнет, а вместо него появится человек... Деревенские люди верили в духов и призраков, как бы не пошли разговоры, и тогда покоя не видать.

— О чём тут думать? Решено, через три дня отправляемся. Я тебя позову, ничего с собой не бери, только Да Хуана, и поехали, — Бай Бао взял всё в свои руки.

Гао Чан зевнул, потёр уголки глаз — в последнее время, кажется, жар пойдёт... Ладно, пусть будет так. Тарелка с жареным арахисом и правда была очень вкусной, а в окрестных деревнях его не выращивали. Можно будет раздобыть семян снаружи и посадить у себя в деревне, тогда и свой арахис будет. Ещё тот самый Змеиный Погибельник, говорят, в центральных районах растёт. Там ядовитых змей всегда было больше, чем у них, вот и привыкли сажать этот кустарник. Теперь и у них змей расплодилось, так что было бы здорово его раздобыть.

Как бы то ни было, главной причиной, по которой Гао Чан соглашался на эту поездку, был Да Хуан. Снаружи было опасно, в нынешние времена люди страшнее зверей, а Гао Чан жизнь свою берёт. Не мог же он в самом деле из-за горсти арахиса на такой риск пойти, он не дурак.

Вернувшись в деревню, Гао Чан почувствовал, что хмель ударил в голову. Он решил сегодня позволить себе лень — сначала поспать, а уж потом медитировать. Пошатываясь, он проходил мимо столба в комнате и заметил, что две нитки на нём висят как-то не так. Он поднял руку, прикинул что-то над головой, потом долго смотрел, сдвинув брови и опустив уголки губ. Как ни смотрел — что-то не то...

Гао Чан планировал вздремнуть и потом заняться медитацией, но проспал до самого вечера. Прошло часов двенадцать, наверное, сказывалась усталость от недавней охоты на дикого кабана, ещё не отошёл. Сидя на кровати, он зевнул, потрогал свои взъерошенные, как птичье гнездо, волосы. Чувствовал, что забыл что-то важное, но что именно?

Да и ладно, ничего страшного. Гао Чан вышел во двор. Через пару дней предстояло отправиться в путь, нужно было уладить домашние дела. Мяоцзай был диковатым, брать его с собой никак нельзя. Большинство обитателей двора при виде этого кота обходили его стороной, так что присмотреть за ним мог разве что мальчишка с верхнего этажа.

Но кто бы ни присматривал, Мяоцзай ел только мясо. Хотя он и сам мог поймать мышь или насекомое, но если еды не хватало, зверь начинал охотиться на лягушек во дворе. Сколько раз Гао Чан его за это ругал — всё без толку, потому что лягушек было много, одну-двух недосчитаться — никто и не заметит, и Мяоцзай, кажется, это понимал.

Чтобы запастись для кота мяса, Гао Чан несколько ночей подряд не спал, охотясь в горах. Добыл корову и нескольких кроликов, змей тоже наловил изрядно. Сам почти ничего не ел, всё коту оставлял. Он передал мясо и Мяоцзая на попечение Вэй Чэнъину, велел кормить кота не больше трёх лянов в день, иначе тот обленится и превратится в разбалованного нахлебника.

Вэй Чэнъин с радостью взялся за это поручение. Он и Мяоцзай и так были не разлей вода, а с наступлением зимы и похолоданием они почти каждый день, кроме пасмурных и дождливых, грелись вместе на крыше. С того раза, как Гао Чан при нём разрубил ядовитую змею, отношение Вэй Чэнъина начало меняться. Вместо прежней неприязни появилось что-то вроде восхищения. Гао Чану это было неприятно, и при виде этих сияющих глаз он всякий раз старался свернуть в сторону.

Теперь, перед отъездом, Гао Чан решил, что некоторые вещи лучше прояснить заранее. Поэтому, дождавшись, когда Вэй Чанжуй ушёл работать в поле, он тихонько отвёл Вэй Чэнъина в сторонку.

— Зачем ты меня позвал? — Не стоит думать, что из-за своего восхищения мальчик стал говорить вежливее.

— Ну, я завтра уезжаю... — Гао Чан подбирал слова.

— Я знаю. Кормить Мяоцзая три ляна мяса в день, никого чужого в дом не пускать. Ты уже сто раз повторил, какой же ты зануда, — Вэй Чэнъин скрестил руки на груди, лицо выражало нетерпение.

— Спасибо, что согласился. Вы с отцом ведь тоже пришли извне, знаете, как там опасно, да? — Гао Чан не стал спорить с ребёнком, его главной целью сегодня было выведать информацию.

— Угу, так что ты будь осторожен, — Вэй Чэнъин выпрямил шею и наконец сказал что-то мягкое.

— Может, у тебя есть какой-нибудь опыт, которым можешь поделиться? Расскажи, может, в критический момент жизнь спасёт! — Гао Чан присел на корточки на камне, с видом истинно жаждущего знаний, а Да Хуан по его указанию тоже уселся рядом, серьёзный и сосредоточенный.